

Вераксич И.Ю., Скребейко Н.И. (Мозырь, Беларусь)

ОРАТОРСКИЕ ПРИЕМЫ В ПОЭЗИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Говоря об особенностях поэтического языка Ф.И. Тютчева, необходимо обратить внимание на одну сторону, сближающую его с античностью. Речь идет об использовании автором ораторских приемов. Б. Эйхенбаум отмечал, что «Тютчев – иногда певец, иногда оратор, и эти две стихии свободно уравновешены в его поэзии, придавая ей совершенно специальный характер. Многие его стихотворения, и не только политические – маленькие речи, построенные либо на заключительных аристократических points, либо на приемах ораторского слова» [5, с. 396]. Так, например, стихотворение «Цицерон», как настоящая речь, начинается цитатой:

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал – и на дороге,
Застигнут ночью Рима был!» [1, с. 76].

Не следует забывать, что в юности поэт читал Цицерона на языке оригинала, в зрелые годы интерес к писателю сохранился. Кроме того, в рассматриваемом нами стихотворении Тютчев цитирует трактат Цицерона «Брут».

В стихотворении приводятся подлинные слова Цицерона, с которым Тютчев не вступал в прямую полемику, подтверждая их истинность: «Так!». Но, отталкиваясь от этой мысли о ночи Рима, его закате, упадке, Тютчев выстраивает свое, отличное от Цицерона, отношение к истории, утверждая богоизбранность, почти богоравность свидетелей исторических катаклизмов. Как считает А. В. Успенская, вполне возможно, что этот известный ораторский прием Тютчев усвоил непосредственно при чтении Цицерона.

Б. Эйхенбаум также считал, что в стихотворении «Не то, что мните вы, природа...» чувствуется присутствие человека или толпы, перед которыми произносится речь, «запечатлена даже гневная, раздраженная жестикауляция оратора» [4, с. 397]. В стихотворениях такого плана мы видим часто прямое обращение: «Молчи, скрывайся и там...», «Смотри, вы сдержали слово...», «Смотри, как на речном просторе...», «Да, вы сдержали слово...» и другие.

В других случаях присутствие слушателей подразумевается: «Я лютеран люблю богослужение...», «Не плоть, а дух растлился в наши дни...», «Ужасный сон отяготел над нами...».

В любовной лирике, особенно в позднем «денисьевском цикле», элементы риторики играют не менее важную роль. На это указывали Б. Ф. Бухштаб [2, с. 49],

А. Д. Григорьева [3, с. 141–147]. Об этом свидетельствуют стихотворения «О, как убийственно мы любим!..», «Чему молилась ты с любовью...», «Не говори: меня он как прежде любит...», «Когда на то нет божьего согласия...», «Сегодня друг, пятнадцать лет минуло...».

Большую роль в воспроизведении интонаций живой речи играет синтаксис. Книжные синтаксические структуры в письменном тексте – естественная форма выражения содержания. Однако стихотворный текст рассчитан и на звучащее или внутреннее воспроизведение. Строфное и стиховое членение текстов даже при сложных

синтаксических структурах облегчает его произнесение, дробя речь на отрезки небольшого размера, как бы накладывая на текст при определенном метре разговорную интонацию. Естественно, что восприятие стихотворного текста, как живого, интонационно близкого к разговорной речи речевого потока, определяется включением в него «слабых» элементов стиля, определенных при сцеплении слов и предложений произвольностью разговорной речи. Общеизвестно, что, введенные в письменную речь, эти разговорные синтаксические элементы при использовании их как стилистически окрашенного средства необыкновенно эмоционально действенны. Это и подтверждается обращением к ним в стихотворениях любовной лирики, так как они, по мнению А. Д. Григорьевой, «выполняют задачу воспроизведения, без искусственности выражения душевного движения или переживания» [2, с. 145]. Многие из аналогичных структур при определенных контекстных условиях, введенных в стихотворный текст, превращаются в риторический прием, специфический для письменной речи. Это скольжение между разговорностью и риторичностью отражают следующие структуры: *«О, как убийственно мы любим, Как...мы то всего вернее губим, Что...; Давно ль... Ты говорил...; Год не прошел – спроси и сведай, Что уцелело от нее?... Ты помнишь ли, при вашей встрече...; И что ж теперь? И где все это?...И что ж сберечь ей удалось?; Кто ты? Откуда? Как решить, Небесный ты или земной?; Не знаю я, коснется ль благодать..., Удастся ль...Пройдет ли...»* Разговорными структурами пронизано все стихотворение «Не говори: меня он, как и прежде, любит»:

...Я стражду, не живу... им, им одним живу я –
Но эта жизнь!.. О, как горька она!

<...>

Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу [1, с. 190].

Мы видим здесь характерные для взволнованной речи утверждения и поправки утвержденного. В стихотворении «Весь день она лежала в забытьи» мы сталкиваемся с прямой речью героини: *О, как все это я любила* и заключительные строки: *О господи!...и это пережить..., когда на то нет божьего согласия, Как ни страдай... не выстрадает; Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло с того дня, как...; И во уж год, ...приветствую судьбу; Друг милый, видишь ли меня?*

Все рассмотренные нами конструкции сводятся к нескольким типам, связанным с эмоциональной выразительностью разговорной или книжной речи:

- обращение (*друг мой милый, ангел мой, друг*);
- употребление формы 2-го лица глагола и повелительной формы при обращении к собеседнику в порядке убеждения или побуждения (*Ты помнишь ли, ... Не говори: меня он, как и прежде любит*) или в обращении к божеству (*О господи! И это пережить, О господи! Дай жгучего страданья*);
- различного рода конструкции, вводящие прямые или риторические вопросы и восклицания (*И что ж теперь? И где все это? Кто ты – Откуда...Как решить...; О как..., О как все это...*);
- конструкции с указанием на время (*Нет дня, чтобы не...; И вот уж год, приветствую судьбу; ...с того дня, как...*);
- сложные предложения (*когда на то нет божьего согласия, как ни страдай...не выстрадает...*).

Таким образом, мы видим обращения, глаголы 2-го лица и повелительной формы, прямые и риторические вопросы или восклицания с многочисленными анафорами («*И что ж теперь? И где все это? И долго вечен ли сон?*»), асиндетонами («*И вот уж год, без жалоб, без упреку, утратив все, приветствую судьбу...*») – все это элементы ораторской речи.

Ораторские приемы не столько применяются в конкретных целях, сколько составляют имплицитное свойство самого тютчевского текста, как считает исследователь А. В. Успенская [4, с. 58].

Литература

- 1 Тютчев, Ф. И. Стихотворения / Ф.И. Тютчев. – М.: Худ. лит., 1972. –304 с.
- 2 Бухштаб, Б.Я. А.А. Фет: очерк жизни и творчества / Б.Я. Бухштаб. – Л.: Наука, 1990. – 138 с.
- 3 Григорьева, А. Д. Слово в поэзии Тютчева / А.Д. Григорьева. – М.: Наука, 1980. – 247 с.
- 4 Успенская, А. В. Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи / А.В. Успенская. – Спб.: Изд-во СПбГУП, 2008. – 292 с.
- 5 Эйхенбаум, Б. Мелодика русского поэтического стиха / Б. Эйхенбаум // О поэзии. – Л., 1969. – С. 395–408.

МГПУ им. И.П.Шамякина